

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(Qa-γan||qos-un ∨ tar-qan||tūr-k)

С. П. Толстов

I

Работая над семантической палеонтологией древнетюркских этнических и социальных терминов, мы не могли не обратить внимания на крайне интересный, хотя и отрывочный, материал, опубликованный в журнале «Советская этнография» и касающийся истории социальных отношений маленькой тюркоязычной народности Крайнего Севера Азии—долган¹.

Согласно долганской легенде, приводимой А. А. Поповым², «в старину, очень давно» долгане делились на две социальные группы—«косуунов» (↔ koiuun) и «baaj ketebilçittere»—«стражей имущества».

Стражи имущества ходили за оленями, охотились, ловили рыбу. Koiuun'ы «жили отдельно, каждый кочуя своим чумом недалеко от стойбища стражей имущества»³. Они «ходили на войну, в случае нападения врага защищали стражей имущества и богатства, находившиеся в их руках». Они, «кочуя вокруг места расположения хранителей имущества, карауля по очереди, узнавали приближение врага». В мирное время они охотились, отдавая всю добычу хранителям имущества. «Хранители» «никогда на войну не ходили, считались слабыми, из их среды выходили косууны», говорит легенда.

Следовательно, в лице koiuun'ов мы имеем не особый наследственный, резко отгороженный от «хранителей» общественный слой, а тесно связанную с последними группу людей, постоянно пополняемую выходцами из стойбищ «хранителей». Возможно, что на том этапе развития, к которому восходит легенда, это были просто наиболее физически сильные, смелые и предприимчивые люди, независимо от возраста несшие функции защитников племени и составлявшие, так сказать, племенную или родовую дружину. Однако ряд близких аналогий среди многих варварских племен позволяет предполагать первоначальную *возрастную* базу этого деления.

Так, у кочевников-масаев в Восточной Африке⁴ мы имеем деление на два возрастных слоя—el-mogan и el-moio. El-moio—женатые отцы се-

¹ А. А. Попов, Материалы по родовому строю долган. «С. Э.», 1934, № 6, стр. 116 сл.

² Цит. соч., стр. 118—120.

³ Цит. соч., стр. 120.

⁴ A. de Prévillie, Les sociétés africaines. Paris, 1894, p. 65.

мейства, кочующие со своими стадами, ведя мирный, скотоводческий образ жизни,—полная аналогия *baaj ketebilçittere* долган. Напротив, *el-mogan*—холостая молодежь, живущая в военных лагерях, в отношениях промискуитета с молодыми девушками (*ndito*⁵), несущими необходимые в лагере хозяйственные функции.

El-mogan охраняют границы племени и ведут оборонительные и наступательные войны, захватывая скот и имущество соседей. «Война,—говорит де-Превильль,—не является для них политическим вопросом. Это вопрос повседневного питания, это разновидность труда»⁶.

Оружие для *el-mogan*—знаменитый масайский щит, широкое двуметровое ударное копье, меч (*el-moquo*, кстати сказать, имеют совершенно иной тип вооружения—небольшой лук и стрелы)—приготавливается особой кастой рабов—*el-gono*, обслуживающих воинов.

Важно отметить, что сыновья богачей редко идут в ряды *el-mogan*; основная их масса слагается из менее обеспеченной молодежи, которая войной должна создать себе хозяйственную базу, в первую очередь—необходимое количество скота. Достигнув этого, юноша возвращается в станowiще, женится и вступает в ряды мирных *el-moquo*.

Непосредственным развитием этого типа военной организации племени является заслужившая себе громкую славу военная организация племен-завоевателей Восточной и Южной Африки, в частности—знаменитая военная организация зулу времен Чаки и Дингана⁷, типичным для которой является наличие слоя воинов, разбитого на военные единицы, не совпадающие с родовыми и племенными делениями, во главе с военными начальниками—*induna*, причем брак воинам категорически воспрещен до 40 лет, как и у масаев; в лагерях живут девушки—сожительницы воинов, выполняющие также и хозяйственные работы по обслуживанию лагеря. Только заслуженные ветераны получают право обзавестись семьей и перейти в разряд «мирных граждан».

Перед нами—развернутые в широкие масштабы, приспособленные к большому военному предприятиям отношения, данные в основных чертах в организации масаев⁸.

Однако не только Африка дает нам аналогии института, отмеченного выше для долган. Несомненные его живые пережитки налицо в недавнем прошлом военной организации туркменского народа. Мы находим эти пережитки в институте *aq-öylü*.

Работая над хивинскими хрониками Муниса и Агахи⁹, мы обратили внимание на термин *aq-öylü* (*aq-öylük*) с буквальным значением—«белодомовый». Контексты, в которых встречается этот термин, довольно однообразны.

Речь идет, как правило, о выдаче туркменскими племен-

⁵ При этом дети, рожденные от *ndito* в лагерях, входят в состав семьи деда по матери.

⁶ A. de Prévillie, цит. соч., стр. 73, 75.

⁷ A. de Prévillie, цит. соч., стр. 112 сл. См. также: A. Bruyant, The Zulu family and state-organization. *Bantu Studies* 1924—1925, vol. II, p. 47 ff.

⁸ Характерно, что, как уже отмечали Schurtz (*Altersklassen und Männerbünde*. Berl., 1902) и тот же de Prévillie (цит. соч., стр. 80) и др., мы видим здесь прототип одной из форм античного государства, военно-рабовладельческой демократии, достигшей расцвета в Спарте.

⁹ «Фирдаус ал-Икбаль» рукопись Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 5900а (С 571). «Рияз ад-Дауле» рукопись Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 5900с (D 123).

нами заложников хивинскому хану, как заключительном акте военных действий между ханом и восставшими туркменами (а иногда и другими племенами), о переселении определенной части того или иного племени в Хиву в определенных политических целях и т. п.

Так, при попытке восстания Абдуллы Инака в Хазараспе хан отдает приказ выселить 200 ақ-бүлік из Хазараспа¹⁰: Алла Кули хан переселяет во время своего первого похода в Хорасан ақ-бүлік непокорных сарыков в Хиву¹¹. Население крепости Байверд выдает хану 20 ақ-бүлік с семьями¹². Далее мы встречаем упоминание о переселении этим же ханом салорских ақ-бүлік, ввиду подозрения в неверности салоров хану¹³, и т. п.

Иногда контекст дает и дополнительные детали. Ақ-бүлік выступают не только как заложники, но и как послы. Так, в «Фирдаус ал-Икбаль» мы встречаем упоминание о прибытии к Мухаммед Рахим хану ақ-бүлік текинцев, во главе с Ходжа Назар-беком¹⁴. Через некоторое время эти ақ-бүлік отправляются обратно¹⁵. То же мы отчасти видим и в отношении упомянутых сарыкских ақ-бүлік¹⁶, двое из которых посылаются вместе с другими послами для переговоров с восставшими сарыками.

Во всяком случае, все это вполне, как будто, подтверждает тот вывод, который мы находим в одном из примечаний к «Печатным и рукописным историческим известиям о каракалпаках»¹⁷, где говорится, что «у хивинских и бухарских авторов заложники обозначались термином «ак-уйлю».

Однако нас не могли не привлечь два момента, затрудняющих столь простое решение вопроса. Во-первых, своеобразная семантика термина, неизбежно требующая особого разъяснения; во-вторых, то, что, как правило, речь в текстах идет о крупных группах людей (200, 20 с семьями и т. п.), причем, как правило, среди них не упоминаются имена родственников крупных местных феодалов, родовых вождей и т. п., что напрашивалось бы, если исходить из обычной, хорошо известной политики аманатства.

Все это заставило нас предположить, сперва в виде гипотезы, что речь идет не о заложниках вообще, а о какой-то определенной прослойке внутри племен, в изоляции которой в период народных движений хивинское правительство было заинтересовано, и попытаться на месте, в Туркмении, выяснить это более точно¹⁸.

¹⁰ «Фирдаус ал-Икбаль», стр. 463 в.

¹¹ «Рияз ад-Дауле», стр. 68 в.

¹² Там же, стр. 141 в.

¹³ Там же, стр. 242 в.

¹⁴ «Фирдаус ал-Икбаль», стр. 491 в.

¹⁵ Там же, стр. 504 в.

¹⁶ «Рияз ад-Дауле», стр. 105 а.

¹⁷ Собрали проф. Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев, Материалы по истории каракалпаков. Труды ИВАН, т. VII, стр. 219.

¹⁸ Даваемая ниже характеристика термина ақ-бүліі основана на материале, собранном во время нашей работы в Туркмении в 1934 г. путем расспроса среди туркмен как в Ашхабаде, так и во время выездов на места (районы Красноводска, Эрбента и серных бугров в Центральных Кара-Кумах, Мерв, Байрам-Алийский район).

Термином *aq-öylü* у туркмен в эпоху, предшествовавшую русскому завоеванию, а у прикаспийских йомудов, особенно на иранской территории, и значительно позднее, обозначалась выделявшаяся из молодых людей данного племени группа, игравшая особую роль в межплеменных войнах. *Aq-öylü* поселялись на значительном расстоянии от аулов своего племени, вдоль полосы, отделявшей территорию данного племени от территории его соседей, и несли функции пограничной заставы, в обязанность которой входило наблюдение за соседями и извещение племени о приближающейся военной опасности. В случае нападения *aq-öylü* являлись передовым заслоном, принимавшим на себя первые удары неприятеля, пока все племя не приводилось в боевую готовность.

Aq-öylü не имели при себе жен и не вели хозяйства, содержась за счет всего рода или племени. С этим связано и самое название. Туркменская юрта называется *qara-öy* — «черный дом», так как от копоти костра, на котором приготавливается пища, кошмы покрышки юрты, светлобурые или серые по выходе из рук кошмо-валяльщиц, быстро приобретают густой грязно-черный цвет. Характерно, что название *aq-öy* прилагается также к юртам молодых, женатых, но не отделившихся еще от семьи и не имеющих своего хозяйства туркмен, причем у йомудов *aq-öy* снабжается особыми украшениями из нашитых на войлок покрышки широких белых полос¹⁹. Этот момент является лишним доказательством исходной связи института *aq-öylü* с возрастными классами и с теми отношениями, которые мы находим в военной организации масаев и юго-восточных банту.

Наличие у долган, т. е. на крайнем северо-востоке области расселения тюркских народов, и у туркмен — на ее юго-западе — пережитков данной организации позволяет предполагать ее значительно более широкое распространение среди центрально- и среднеазиатских племен в прошлом.

Нельзя не упомянуть, что С. В. Киселев²⁰ отмечает на основании материала погребений и типов поселений на Енисее в бронзовую эпоху, в период так называемой карасукской и, особенно, тагарской культур, наличие «родовых дружин», в тагарскую эпоху занимающих территориально-обособленные поселения, защищающие верховья оросительных систем. Вряд ли здесь не та же система военной организации племени, которую мы прослеживаем у туркмен и долган в Азии и у восточноафриканских народов.

Позднейшие военно-племенные союзы Центральной Азии эпох хунну, сяньби, жуань-жуаней, тюрков-тугю и, наконец, монголов подлежат особому анализу под этим углом зрения. Наличие в военной организации хунну и тугю черт, роднящих их с восточноафриканскими военными организациями, нами уже отмечалось²¹. Такой чертой, в частности, является включение воинов покоряемых племен в состав военных единиц хуннуской и тугюэской военных организаций²². Во всяком случае, замена родовых

¹⁹ Ср. А. П. Поцелуевский, Руководство для изучения туркменского языка. Ашхабад, 1929, стр. 202.

²⁰ С. В. Киселев, Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, № 65, стр. 16, 17, 25.

²¹ С. П. Голстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, № 103, стр. 198—199.

²² Иакинф, Собрание сведений, ч. 1; ср. A. de Préville, цит. соч., стр. 124 сл.

делений военно-территориальными (деление на туманы, десятки, сотни, десятки с военными магистратами во главе)—отнюдь не феодальная и отнюдь не свойственная только монголам черта. Помимо монголов²³, мы видим ее у киданей и чжурчженей²⁴, и древнее деление тюркских народов на «оки» (оq)—«стрелы», возводимое легендой ко времени Огуз-Кагана²⁵, впоследствии вновь получившее значение родов,—след военно-территориальной организации племени, которая впоследствии вновь ассимилируется сохраняющейся параллельно ей родовой организацией. (Ср. ассимиляцию древнего, восходящего еще к эпохе хунну военно-территориального деления на «крылья»—«левое» и «правое», или «восточное» и «западное», с архаической дуальной организацией, делением на две фратрии²⁶.)

В частности, интересно отметить, что в родо-племенной номенклатуре огузов, сохраненной нам Махмудом Кашгарским²⁷, Рашид-ад-Дином²⁸ и Абульгази²⁹ и, наряду с древними этническими именами, содержащей и ряд новообразований, отражающих процесс перерождения родо-племенной организации в территориально-кастовую³⁰, мы встречаем и название alqur-ävlî (Рашид-ад-Дин) и alqa-bülük (М. Кашг.), alqa üylî (Абульгази), везде противопоставляемое qara-ävlî, qara-bülük, qara-üylî, т. е. «черно-домовым», «черному делению»³¹, «черно-домовым».

Есть все основания предположить, что наличие этой группы позволяет отодвинуть эпоху возникновения интересующего нас термина, в архаической форме alqa üylük (или alqa-ävlî), к эпохе возникновения генеалогических легенд огузова цикла, а возможно, и к еще более древней эпохе.

II

Но интерес долганской военной организации не исчерпывается описанным. Весьма любопытна организация управления племени, характер высших племенных магистратов.

Во главе племени стоят три лица, из которых главным является «с т а р ш и й к о һ и н (—kosuun)», военный вождь племени, выделяющийся из «младших коһиун'ов», но живущий «вместе с обществом стражей имущества». Характерно, что должность «старшего коһиун'а» замещалась не выборами, а ежегодным военным состязанием-поединком, выявлявшим наиболее искусного воина. Прежний вождь становился обыкновенным коһиун'ом³².

Рядом со старшим коһиун'ом стояли: 1) baaj berijeeci—«распоряжающийся богатством», ведавший всеми хозяйственными делами и деливший военную добычу (он выбирался «стражами имущества»), и 2) kitebilçit

²³ В л а д и м и р ц е в, Общественный строй монголов., Л. 1934.

²⁴ В а с и л ь е в, История и древности Ср. Азии, ЗАО, т. XII.

²⁵ B a n g u n d R a c h m a t i, Die Legende von Oğuz Kağan. Sitz. d. Preuss. Ak. d. Wiss. XXXV, 1932, S. 690 ff.

²⁶ Ср. нашу работу «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен». Пробл. ИДО, 1935, № 9—10.

²⁷ Mahmud al-Kasğari, I, стр. 56.

²⁸ Рашид-ад-Дин. Изд. Березина. ТВО, VII (текст), стр. 33.

²⁹ Aboul-Ghazi, ed. Desmaisons, I (texte), p. 28.

³⁰ См. нашу работу «К истории родо-племенной организации у туркмен». Л., 1938 г. (печатается).

³¹ Не исключено, что alqa-bülük Махмуда Кашгарского—искажение первоначального alqa (соотв. qara) üylük; ср. транскрипцию Абульгази.

³² П о п о в, Цит. соч., стр. 119.

ojuŋ—«шаман-охранитель», главные функции которого заключались, по-видимому, в военной магии³³.

Это наличие двух высших племенных магистратов рядом со старшим kоhиun'ом нужно особо отметить, так как оно проливает свет на вопрос о генезисе некоторых характерных черт организации военно-племенных союзов кочевников Центральной Азии и Восточной Европы.

Так, общеизвестно наличие во главе государства тюрков-тугю VI—VII вв. аналогичной тройки—в лице qaγan'a, uabγu и šad'a.

Во главе военно-племенного союза «тюрков»-мадьяр IX—X вв. также стоят три высших магистрата—верховный вождь—по Ибн-Русте—kendeŋ³⁴ и два его помощника, облеченные, в первую очередь, судебной властью—гилас и кархан³⁵.

Общеизвестное «двоевластие» у хазар с их ханом и беком, несомненно, может рассматриваться, как пережиток этой же формы организации, причем роль верховного жреца племени сливается в лице хакана с военным предводительством, постепенно оттесняя последнее и переводя его в руки б е к а—магистрат, вероятнее всего, восходящий к архетипу долганского baaŋ berijeeci³⁶.

Эта связь прослеживается по параллели институтов—избирательного ежегодного поединка у долган и ритуального убийства хакана у хазар и тюрков-тугю—явления, как известно, исторически тесно связанные и переходящие друг в друга, причем ритуальный поединок, безусловно, является исходной формой³⁷.

Для нас в данном случае особенно интересно н а з в а н и е высшего племенного магистрата долган, как мы видели, совпадающее с названием членов военного общественного слоя—именно kоshun ←→ kоhuun, чередование, типичное для якутского консонантизма, вероятно* ← koshūn.

Это—двухэлементное имя (AC), со спирантизацией обоих элементов и типичным перебоем исходного плавного последнего элемента r √ s ← африкат r'. Для нас особенно важно в данном случае, что долганская форма с ее семантикой оказывается увязанной с двумя широкоизвестными и не ставившимися до сих пор в связь между собой тюрко-монгольскими социальными терминами. Это, с одной стороны, общеизвестные qa-γan ←→ ха-qaп—со значением «верховный вождь», позднее—«сюзерен», и тюрк. qoš-un (в анатолийском, чагатайском и др.³⁸) с монгольской параллелью хоš-un ←→ х š-(i)³⁹-gип ← полная форма хоš-gип (← *хог-gип)—и то, и другое со значением «войско», «армия».

Долганский термин, связываясь с обоими этими именами и по значе-

³³ Там же, стр. 119—120.

³⁴ Х в о л ь с о н, Известия Ибн-Даста, стр. 25—26. Ср. у Аль-Бекри, Куник-Розен, стр. 45 (текст), тот же титул.

³⁵ Konst. Porph. De Adm. Imp., 40.

³⁶ Интересно также, что у мадьяр qaγ-xaп титул, соответствующий тюркскому и хазарскому qa-γan, ха-qaп, да, как увидим ниже, и долганскому kоhиun, сохранен не за высшим магистратом, а за одним из второстепенных, что позволяет также предполагать известную трансформацию в системе управления (может быть, переход верховной власти в руки верховного жреца племени). Интересно отметить, что у народов Восточной Африки мы также видим двоякую форму верховного управления племенным союзом—верховный шаман всех масаев—oiboni—с одной стороны, и военные вожди—inkosi юго-восточных банту—с другой.

³⁷ Ср. J. F r a z e r, The golden bough. Русск. пер., изд. 1928. Passim.

³⁸ Р а д л о в, Словарь. 641. Вариант (с сохранением исходного плавного первого элемента) этого имени мы видим в упоминавшемся мадьярском qaγ-xaп.

³⁹ В л а д и м и р ц е в, Цит. соч. тир. 133, 179.

нию («вождь», «воины») и по лингвистическому составу, несет полностью семантическую нагрузку обоих, фонетически дифференцировавшихся на базе смыслового расхождения, тюрко-монгольских имен. Он позволяет нам установить первоначальное единство этого термина и, соответственно, предположить в эпоху этого единства аналогичную долганской военно-племенную организацию у народов широких территорий Центральной, а частью и Передней Азии.

Равным образом, нам важно отметить установленное еще Н. Я. Марром закономерное соответствие двух форм первого из приводимых тюрко-монгольских терминов—указанной спирантной в обоих элементах и другой, с сибилантизацией первого элемента.

Важно отметить, что последняя форма, в своих фонетических вариантах, несет двойственную семантическую функцию. С одной стороны, *tar-xan* (орх. *tarqan*⁴⁰) выступает, как коллективное имя племенной аристократии, свободных воинов-патрициев, в противоположность клиентам, плебейам и данникам (*tat*, *uγuš*), позднее получая значение—«освобожденный от налогов». Сюда же относится уйг. *törü*—«принц», *tür-ä* (в ряде языков)—«член правящей династии», «господин», «судья», «чиновник»⁴¹, и, наконец, с огласовкой *a/i* и усечением исходного плавного первого элемента—*tä-gin*—«князь»⁴².

С другой стороны, это же имя, иногда в смягченной форме—*tärkän* (у Махмуда Кашгарского)—обозначает «верховный правитель», «сюзерен», «каган»⁴³.

Характерно, что тот семантический комплекс, который группируется вокруг имени *tar-xan*, прослеживается и в отношении его спирантированного варианта. С другой огласовкой этот термин несет значение «племени»; «собрания родственников», уже и более специально—«свойственники»; так, *tür-kün*, по Махмуду Кашгарскому, «собрание родственников» (род, колена, племя) и «дом отца и матери»; у казахов *tör-kün*—совокупность родственников жены, дом отца жены⁴⁴, ср. монг. *tor-gün(d)*⁴⁵ с тем же значением. У алтайцев *tör-ö* «народ», у телеутов *tör-ö* «род, родство, родня, происхождение»⁴⁶.

Мы уже отмечали лингвистически устанавливаемую связь между *tar-xan* (*tar-qan*) ←→ *tär-kän* и семантическим рядом, группирующимся вокруг значения «собираться», «соединяться». Сюда относятся отмечавшиеся уже нами (по Махмуду Кашгарскому) *tur-jun*, «место сбора вод», телеутское, алтайское *tur-qun*—«стоянка»⁴⁷, *tur-γun*—с тем же значением у казахов⁴⁸, чагатайское *tur- un* «стоячий», «стоящий»⁴⁹, телеутское *tur-ū*—«стояние», «стоянка», «пастбище, стадо зверей»⁵⁰, анатолийское, крымское *tur-a*—«пучок», «связка». С иной огласовкой—*tir-kä* (казахское) «привязывать

⁴⁰ Радлов, 851.

⁴¹ Радлов, 1256, 1556.

⁴² Радлов, 1034.

⁴³ Ср., например, титул хазарского владетеля в «Hudud-al-alem» «тархан-хакан»—текст, стр. 38b, где обе указанные формы стоят рядом, блестяще подтверждая анализ Н. Я. Марра.

⁴⁴ Радлов, 1256.

⁴⁵ Владимирцев, цит, соч., стр. 48, 59.

⁴⁶ Радлов, 1253.

⁴⁷ Радлов, 1456.

⁴⁸ Радлов, 1458.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Радлов, 1452.

друг к другу»⁵¹, *tir-gä*—(чаг.)—«привязать», «сшить», «подпереть»⁵², *tär-kin*—«расширяться», «изобиловать», *tär-gä* (телеутское) «собирать», «отрядить», «приготовить», *tär-gän*—«собираться»⁵³.

По закону диалектической противоположности эта же основа с иной, а иногда и той же огласовкой дает прямо противоположное значение—«разделить», «разрубить», «разбросать»—ср. казахское, киргизск., тел. *tür-a*—«разрубить», «крошить»⁵⁴, *tör-y* (алт.)—«разрушать», «ломать»⁵⁵, анатолийское *tor-ya*—«разрезать на мелкие куски», «крошить», *töl-a* (алт.)—«разбить», «раскрошить»⁵⁶, *tar-qa* (чаг., казахск.)—«расходиться, рассеяться», орхонское *tar-qan-(č)*—«рассеянный» (ср. «*Oγuzuyāmā tarqanc*» «огузы все рассеяны»⁵⁷)—с сохранением исходного консонанта первого элемента и перебоем $r \vee s$ —алт. *tos-qun*—«разбросанный»⁵⁸.

Путем усечения второго элемента образуется одноэлементная глагольная основа *tur* (орх., уйг., др. тюркск. языки⁵⁹), со значением «стоять», «остановиться», «находиться», «жить».

Со спирантизацией первого элемента и перебоем его исходного плавного $r (\leftarrow r^s \parallel r^s) \vee s \parallel \check{s}$, мы видим *qos-un* в чагатайском и анатолийском со значением—«придаваться», «примешиваться», отсюда—*qos-un + du*—«примесь», «подмесь», «лицо, присоединившееся к другому»⁶⁰, *kos-kün* (алт., телеутское, лебединское)—«кочевка», «передвижение»⁶¹, барабинское *kös-kün*—«кочевник»⁶²; в усечении, как в первом случае, со значением: 1) ряд, пара, ставка, лагерь, войско, общество, юрта, семья—уйг., чаг. *qos*, уйг., чаг. *köč*⁶³, 2) «прибавить», «присоединить», «примешать»—уйг., чаг., анат.—*qos*⁶⁴.

Однако наряду с этим семантическим рядом устанавливается и другой, особенно интересный для нас, в связи с устанавливаемым источником древнетюркских форм военной организации в системе возрастных классов.

Это, с сибилантной формой первого элемента (*tur-un*)—анатол., чагат.—«внуки»⁶⁵ и одновременно—«молодой верблюженок» с закономерным вариантом *tos-un* (анат., крым., казахск.)—«молодой»⁶⁶, «молодец», «сильный и способный парень»—одновременно—«дикий», «недрессированный», «молодой трехлетний бык». Это нельзя не сопоставить с приводимым Махмудом Кашгарским значением слова *türk*—со значением «находящийся в расцвете сил»⁶⁷.

⁵¹ Радлов, 1372.

⁵² Радлов, 1373.

⁵³ Радлов, 1071.

⁵⁴ Радлов, 1446.

⁵⁵ Радлов, 1182.

⁵⁶ Радлов, 1194.

⁵⁷ Радлов, 852.

⁵⁸ Радлов, 1204.

⁵⁹ Радлов, 1442—1445. Что здесь именно усечение первоначально двухэлементного имени, а не обратное явление, говорит закономерное наличие элемента *S* в многочисленных и разнообразных примерах, приводимых выше и ниже.

⁶⁰ Радлов, 641.

⁶¹ Радлов, 1290.

⁶² Радлов, 1291.

⁶³ Радлов, 635, 1286.

⁶⁴ Радлов, 637.

⁶⁵ Радлов, 1453—1183.

⁶⁶ Радлов, 1204.

⁶⁷ Mahmud al-Kasğari, 1, 294.

В спирантизованном ряде мы находим kōs-ā (крым., анат.), kōs-ō (каз.)—со значением «безбородый»⁶⁸.

Наиболее развернутую форму со спирантизацией обоих элементов мы находим в другой лингвистической системе (однако в связи с долганскими, прямо относящейся к вопросу)—именно у тунгусов—сравни эвенское *hig-kəp*—«молодой», «юный», эвенкийское «мальчик», «парень»⁶⁹.

Отсюда непосредственный переход к известному уйгурскому *türk*—«могущество», «сила», соотв. чагатайскому, анатолийскому *türk*—«храбрый», «суровый»⁷⁰.

В спирантизованном ряде—с утратой второго элемента—общеизвестное *kūš*—«сила»⁷¹. Наконец, любопытно наличие двух параллельных форм,—того же лингвистического состава со значением «народная песня», «историческая песня», в архетипе—«военная песня»⁷² (чагатайское, анатол.—*tür-kū*⁷³ и *qoš-aq* ↔ *qoš-q* ← **qoš-qun* «историческая песня»⁷⁴).

III

Предыдущий анализ будет неполным, если мы не введем в него этническое имя *türk*. Материал, приводимый выше, позволяет углубить результаты этого анализа, глубже вскрыв семантическую эволюцию термина.

Имя *türk* встает прочно в раскрытый семантический комплекс, тесно связываясь с его компонентами (так же, как и имя *dol-gan*—перебойная разновидность того же долганского *kōs-un* ↔ *ko-hun* ← **kos-hun*).

Вышеизложенное позволяет наметить следующие ступени его семантической эволюции: исходную (мы оставляем в стороне более древние связи, уводящие нас в круг первобытных тотемических представлений), в форме **tür-kün* (*tar-qan*), со значением—«возрастной класс молодых неженатых воинов», с параллельной спирантизованной формой **qoš-un* (*qar-γan*), в дальнейшем целиком принимающей на себя семантическую нагрузку значения «войско». Этот же комплекс несет значение имени—«военного вождя», «предводителя вооруженной молодежи», соответствующего «старшему *koñun'u*» долган; впоследствии в процессе семантической дифференциации термин дифференцируется и фонетически, сохраняя огласовку *и, й, о* для термина в его общем значении, а огласовку *а* и некоторые дополнительные фонетические изменения (утрата в спирантированном варианте исходного плавного первого элемента)—во втором значении, образуя параллельные формы *tar-qan* и *qa-γan* (*xa-qan*) со значением «верховный вождь», хотя и сохраняя форму *tar-xan* со значением коллективного имени военной аристократии, сменяющей на данном этапе архаическую, основанную на возрастном делении, военную организацию племени.

⁶⁸ Радлов, 1293—1294.

⁶⁹ Василевич, Эвенкийско-русский словарь, стр. 91.

⁷⁰ Радлов, 1556.

⁷¹ Радлов, 1489.

⁷² Радлов, 1556.

⁷³ Радлов, 638.

⁷⁴ Мы оставляем пока в стороне, лишь отметив, весьма интересную параллель спиритного и сибилантного (в отношении первого элемента) ряда этой двухэлементной основы—именно *hig-an* (кум.) «железный плуг» (Радлов, 1448) и чувашск. *tēren*—«лемех плуга» *qoš* (чаг.)—«плуг» (Радлов, 638), вводящую нас в комплекс скифской терминологии через *eg-kin*, «железо», к преданию об *erkene-qon'e*—«железных воротах», в сферу тюрко-монгольских этногонических мифов, перебрасывая мост в Восточную Европу и Закавказье и расширяя наш вопрос до огромной проблемы скифо-тюркских исторических связей.

В орхонскую эпоху, во всяком случае, мы видим оба варианта сибилантной разновидности несущими значение имени военной аристократии племенного союза—*taγ-xaπ* и с усечением второго элемента—*tür-k*.

Уже В. В. Бартольд выяснил, что термин *tür-k* в орхонских надписях и позднее выступает не как этнический, а как политический термин⁷⁵, как общее имя политического объединения, в состав которого входили различные племена (в частности, огузы).

Сейчас мы можем уточнить эту формулировку. Контекст орхонских надписей не оставляет сомнений, что этот термин выступает в них именно как собирательное имя военного союза племен. В этом же плане может быть понято и употребление этого термина у мадьяр IX—X вв., сохраненное нам византийскими источниками. Этот термин долго не получает конкретного этнического содержания. В качестве этнического имени он выступает лишь в позднее средневековье, или даже, вернее, в эпоху внедрения капитализма и национальной консолидации у крайних западных представителей тюркской системы речи—анатолийских турок. В средние века он все время фигурирует, как собирательное имя, нередко покрывающее отнюдь не тюркоязычные народности—в частности, мадьяр и монголов, и сохраняя, особенно у Махмуда Кашгарского специфический классовый оттенок⁷⁶.

Такова исторически устанавливаемая семантическая эволюция этого имени. От значения «возрастной класс молодежи» к значению «войско», «военный вождь», дальше — «племенная аристократия», «патрициат», «сюзерен», «верховный правитель», дальше—собирательное имя тех народов, у которых в эпоху раннего средневековья господствующая аристократия несла традиции этой общественной организации, вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности, хотя и с отнесением преимущественно к народам с определенной системой речи, исторически сложившейся в рамках этих военно-политических организаций, и, наконец, на рубеже эпохи капитализма—национальное имя с сохранением и прежнего собирательного значения, но с точной лингвистической атрибуцией⁷⁷.

⁷⁵ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа. «Туркмения», I, стр. 9—10.

⁷⁶ Mahmud al-Kashgari, I, стр. 2—3, 30, 31. Характерно, что в другом месте Махмуд Кашгарский подчеркивает интересующую нас сторону семантической нагрузки слова *türk*, именно—*türk* в значении войско, ср. I, 294, «Говорит бог великий и могучий: есть у меня войско, я назвал его *türk* и поселил его на востоке».

⁷⁷ Отметим, что Н. Wambéry (Die Primitive Cultur des türko-tatarischen Volkes, S. 51) и В. Munkacsy (Die Bedeutung des Namens der Türken, Cör. Cs. Arch. I, S. 62) связывают имя «*türk*» с «*tögr*»—«быть рожденным», «существовать»; отсюда через закономерные вариации *törö* (анат., Падлов, 1556)—*törö* (алт., телеутск.) и *törü* (уйг., Падлов, 1253) образование *törük* ←→ *türük* → *türk* в значении «создание», «человек». J. Nemeth (Zur Kenntnis der Petschenegen. Cör. Cs. Arch. I, 3, стр. 220), категорически возражая против этой этимологии, связывает это имя с уйгурским (Müller, Uigurica, II) *türk*—«*Stärke*» и выдвигает гипотезу, согласно которой это имя было присвоено первоначально тому из тюркских племен, которому тюрки обязаны своим распространением, и является отражением «политической мощи» этого племени.

Как мы показали выше, семантика имени *türk* и, в частности, связь этого имени с уйг. *türk*—«могущество», «сила», «власть», имеет совсем иные исторические корни, восходя к эпохе, когда ни о какой «политической мощи» не может быть и речи. Nemeth, отдавая дань традициям шовинистической сравнительной лингвистики, встал на ошибочный путь, пытаясь связать с определенным племенем имя, которое, как мы видим, лишь на самых поздних этапах своей семантической эволюции получило конкретное этнографическое содержание.